

О БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ НА ПОЛЯХ НОВОЙ КНИГИ

Анализируются первые, во многом концептуальные главы первого тома монографии «История белорусской государственности» (Минск, 2018 г.). При общей положительной оценке труда обращается внимание на общетеоретические недоработки тома: отсутствие анализа сущности концепта государства и проблем его становления, что в итоге привело к нечеткости определения времени и сути процессов государствообразования на территории Беларуси. Обращается внимание и на некорректное применение в томе понятия «цивилизация».

Ключевые слова: государство, государственность, вождества, цивилизации, славяне, балты.

В контексте современных общественно-политических процессов, актуальных в нашей стране, проблемы государственности представляют несомненный интерес. Поэтому подготовка пятитомника «История белорусской государственности» является весьма своевременной. В данных заметках речь пойдет о первом томе (Минск, издательство «Беларуская навука», 2018 г.), точнее, о его разделах и главах, посвященных становлению государственности и первым государствам на территории Беларуси.

Фактический материал о ранней истории Беларуси уже многократно излагался в специальных и обобщающих работах. Авторы данного тома, естественно, опираются на предшествующие достижения отечественной историографии. Новым является, прежде всего, анализ и интерпретация добытого в последнее время обширного археологического материала, во многом дополняющего и уточняющего наши представления как об общеславянском этногенезе, так и о сложении белорусского этноса и ранней государственности на наших землях.

Здесь, впрочем, можно заметить, что огромный массив свидетельств о происхождении славян, накопленный более чем за прошедшее столетие, вполне укладывается в ареал славянской прародины, очерченный еще Любомром Нидерле на рубеже XIX–XX вв., так же, как и все новейшие концепции генезиса белорусской государственности вмещаются в рамки, очерченные М. В. Довнар-Запольским столетие назад.

В рассматриваемой книге о ранней истории белорусской государственности, в отличие от прежних многотомников по истории Беларуси, которые писались в традиционных советских историографических рамках, включавших историю наших земель в рамки истории Руси-России, формулируется и излагается концепция именно национальной истории Беларуси, о необходимости создания которой говорилось еще на I съезде белорусских историков в 1993 г.

В принципе, новые подходы отличали и «Нарысы па гісторыі Беларусі» (1994 г.), но в них главным принципом был отбор материалов, иллюстрирующих национальные особенности белорусской истории. В новом же издании данная концепция получила не только четкое оформление, но и обоснование всем массивом исторических материалов, уже давно вошедших в научный оборот, но переосмысленных в новом ключе, и новейшими находками и открытиями.

Собственно, такой подход стал ответом историков на актуальный общественный запрос. И это не конъюнктурный зигзаг, а суть нашей науки, которая на каждом новом витке общественного развития должна через анализ прошлого объяснять современные социальные процессы. И когда историков упрекают в том, что новыми подходами они попросту сочиняют прошлое, что, следовательно, история – не наука, а жанр художественной литературы, то можно вспомнить, что и так называемые «точные» науки тоже не стабильны в своих фундаментальных основах. Например, сколько раз за последние 2,5 тыс. лет пересматривались концепции мироздания, от макро- до микрокосмоса, насколько изменились представления об элементарных частицах, которыми древние греки считали атомы (неделимые). Так что любая наука актуальна именно своим развитием.

В рассматриваемом томе аргументированно изложен процесс становления и развития государственности на белорусских землях. Важно, что в отличие от «Нарысаў» издание представлено на русском языке, то есть обращено к широкой аудитории за пределами нашей страны. Именно поэтому хотелось бы обратить внимание на существенный пробел, допущенный в данном томе.

Поставив во главу угла задачу создания именно истории белорусского государства, авторы обошли теоретические аспекты проблемы государственности, которые с середины прошлого века активно разрабатываются историками, этнологами и политологами в рамках исторической антропологии. В зарубежной и, отчасти, советской и современной российской историографии довольно подробно исследованы проблемы становления государств через трансформации первобытных сообществ. Определены причины, критерии и формы преобразования племен в вождества, последних – в ранние государства и, наконец, в государства в современном понимании.

Все это важно при существующем разном в осмыслении самого концепта государства. Без такого представления «повисает в воздухе» время создания того или иного государства и, отсюда, понимание того, какое, собственно, сообщество можно считать государством, что актуально именно для истории государств с неочевидной для многих идентичностью. Это относится и к Беларуси, сложность истории которой в том, что до XX в. она представляла собой не этническое, а территориально-политическое образование в рамках разных формирований со смешанными этнополитическими элитами.

Поэтому прежде, чем формулировать этапы сложения государства на нашей территории и доказывать его континуитет с раннего средневековья, надо определиться с понятием и признаками государства и государственности. Тогда анализ конкретных событий и процессов выглядел бы более убедительным, особенно для небелорусских читателей, к которым, очевидно, в первую очередь и обращена данная книга. И, главное, тогда бы можно было вписать нашу историю в контекст общеевропейского средневековья, что избавило бы отдельные выводы от некоей искусственности, да и теоретической неопределенности, например, в понимании концепта цивилизация, о чем чуть ниже.

Рассматривая развитие государствогенеза, авторы тома проигнорировали стадийные процессы, в частности, период существования упомянутых выше вождеств. А ведь именно ставшая популярной с 60-х гг. прошлого века концепция вождеств (chiefdom) объясняет механизмы постепенного формирования государственных структур, что актуально и для так называемой древнерусской эпохи, и еще более, для понимания формирования ВКЛ, чьи начальные этапы представляются весьма смутно из-за крайне ограниченных и нечетких источников.

Теория «вождеств» и вообще совокупность достижений политической антропологии позволяет привлекать и многочисленные аналогии, что, таким образом, позволяет четче понимать и обоснованно представлять локальные процессы в рамках общеевропейской и мировой истории. И, соответственно, место Беларуси в системе цивилизаций.

Теперь обратимся непосредственно к тексту.

Введение начинается с краткой формулировки актуальности проблемы «государственность» в контексте истории белорусского народа и намечены общие штрихи концепции белорусской государственности. Указано место идеологических представлений по проблеме. Но нельзя не отметить вышеназванное невнимание к теоретическим аспектам. Так, уже в самом начале упомянута «индоевропейская цивилизация» (с. 3). Учитывая разнообразие народов, относящихся к данной этноязыковой семье, их разные исторические судьбы и даже географическую разбросанность, уместно ли относить их к единой цивилизации с четким набором признаков? Поскольку далее этот термин не всплывает и не разъясняется, остается недоумение, на какой же цивилизационной основе формировался белорусский народ? Соответственно, неразъясненность понятия вызывает вопрос и к указанию на следующей странице о «цивилизационном разломе», в котором формировались белорусы (с. 4). Что имеется в виду?

Возможно, введение было при редактировании сокращено. Иначе чем объяснить скороговорку в указании на серию «Древнейшие города Беларуси» (с. 7 – ссылка только на две книги О. Н. Левко из обширного массива литературы), по сути, дважды повторенный абзац о белорусской государственности (второй абзац сверху на с. 5 и второй абзац сверху на с. 6), а также то, что среди учреждений, принимавших участие в написании тома, не указан Могилевский университет, хотя его сотрудник – профессор А. В. Колосов – включен в список авторов тома.

В еще более кратком предисловии сказано о привлечении представителей белорусской знати к управлению в ВКЛ (с. 12). Можно ли относить понятие «белорусская знать» без разъяснения к XIV–XVI вв.?

В помещенном далее историографическом обзоре четко и корректно очерчено современное состояние знаний об этногенетическом развитии населения белорусской территории в каменном, бронзовом и железном веках, в том числе спорные проблемы соотношения балтов и славян, проникновение которых в регион новейшими данными отмечено с III в. (с. 16–33).

Но с учетом тематики издания, надо ли было начинать изложение с древнейшей истории пребывания людей на нашей территории? Какое отношение те эпохи имеют к созданию белорусской государственности, зарождение которой отнесено к VIII–X вв.? Кстати, именно здесь использование понятия «вождество» могло бы уточнить ход этого процесса и его хронологические рамки. Тогда и вывод (с. 36–37) можно было бы сформулировать более четким. Далее корректно и объективно, без публицистических фантазий, представлена историография ВКЛ.

Обширная глава 2 посвящена догосударственной истории белорусских земель. Основана она, естественно, преимущественно на археологических материалах. При этом уже сложившиеся в науке представления и гипотезы подкорректированы анализом новых находок. Особое внимание, естественно, уделено ранним свидетельствам о славянах. Констатируется недоказанность праславянства лужицкой культуры, с которой в прошлом веке часто начинали славянский этногенез. Весьма осторожно характеризуется этнический компонент культур железного века. Особо рассмотрена зарубинецкая культура, которая рассматривается на своем позднем этапе как компонент будущей бесспорно славянской пражской культуры (с. 111). Прослеживается на белорусских материалах становление и развитие праславянской киевской культуры и ее роль в сложении на Верхнем Поднепровье и Подвинье банцеровской и тушемлинской культур VI–VIII вв. Отмечена близость колочинской культуры и культуры длинных курганов в Северной Беларуси. Рассмотренные этногенетические процессы наглядно представлены в оригинальной карте (с. 123).

Особое внимание, вполне естественно, уделено территории будущего Полоцкого княжества. Этнос его ядра представлен балтским с последующим распространением там славян (с. 124). Но, при этом, едва ли можно согласиться с однозначностью вывода о переходе племен региона к надплеменным образованиям (с. 124). Констатация наличия компактных скоплений населения для такого вывода явно недостаточна. Ибо такие скопления могут быть связаны с природно-географическими, а отнюдь не социальными процессами. Хотя, к сожалению, других свидетельств об общественном развитии нет, и едва ли они появятся. Помочь в анализе социальных процессов в регионе, весьма важных в контексте изучения основ белорусской государственности может обращение к аналогиям у лучше обеспеченных источниками древних народов с использованием упоминавшейся теории вождеств.

Эту же теорию следовало бы привлечь и при анализе социального развития ранних дреговичей, ибо ссылка на летописца как аргумент о предпосылках формирования у них государственности (с. 131) явно недостаточна.

Корректно представлено происхождение Рогволода, столь же неясное, как и происхождение Рюрика. Сказанного, что он «...пришел из заморья...», вполне достаточно (с. 132).

Подробно рассмотрено становление Полоцкого княжества. Вполне обосновано как фактор его формирования и укрепления указано на установление контроля над торговыми путями в регионе. Такой путь укрепления власти прослежен во многих регионах мира. Но утверждение о переходе от племенных княжений к государственной власти в X – начале XI вв. в тексте (с. 140) выглядит декларативно. Так же, как и утверждение о превращении независимого Полоцкого княжества на рубеже X–XI вв. в государство (с. 147). Ибо, возвращаясь к вышесказанному, – где критерии государственности?

В концепциях государствообразования такие критерии рассматриваются, но они весьма размыты и сам процесс очень длительный. Например, в хорошо обеспеченной источниками истории франков процесс перехода от вождества к раннему государству занял несколько столетий. А окончательное сложение французского государства французскими историками констатируется лишь после смерти короля Филиппа II в начале XIII в., когда возник принцип «король умер – да здравствует король». То есть, когда элита стала безоговорочно принимать легитимность и преемственность правления существующей династии, от первых элементов государственности при Хлодвиге – начало VI в. – прошло 700 лет! А ведь по территории раннее франкское королевство вполне сопоставимо с древнерусскими княжениями. Иное дело – плотность населения и наличие / отсутствие римского влияния. С учетом состояния наших источников анализ аналогий вполне уместен, как, кстати, и при изучении процесса становления ВКЛ, о чем – далее.

Отдельно в главе рассмотрен вопрос о предпосылках зарождения белорусского этноса. За точку отсчета взято появление княжений, что логично. Но можно ли утверждать, что в X–XI вв. консолидация населения началась «независимо от государственной принадлежности» (с. 151). Здесь опять мы упираемся в непроработанность терминологии: какие государства тогда были? Ведь только еще начали формироваться признаки ранней государственности. Для тогдашних образований вполне уместен уже упоминавшийся термин «вождество» (в советской историографии ранее такие предгосударственные структуры часто назывались союзами племен). Указанная же нечеткость терминов ведет к модернизации процессов. Например, пишется о распространении христианства государственной властью (с. 153). Может, именно в ходе указанных процессов и происходил переход от племенной к государственной организации, а не наоборот, как видится по тексту?

И общий вывод главы об отсутствии «единой восточнославянской народности» требует более основательных аргументов. Ибо для домонгольского времени общеизвестна общность языка и курганной культуры восточных славян. Для констатации, что межплеменные различия имели не территориально-локальные, а более фундаментальные причины, требуется не только сравнительный анализ культур племенных союзов (летописных племен), затем – княжений, но и опять разработка понятийного аппарата. Ведь что такое народность как не кабинетный, искусственно выработанный термин именно для констатации восточнославянского единства в рамках конструирования единой российской истории? Не случайно об искусственности этого термина в ны-

нешней российской историографии вспомнили из-за необходимости отказа от понятия «Киевская Русь» как истока русской истории и от признания Киева «матерью городов русских», то есть новая концепция требует и нового понятийного аппарата.

Едва ли не центральное место в томе занимает глава 3, в которой подробно рассмотрены первые формы белорусской государственности. Основное внимание, естественно, уделено Полоцкому княжеству. Здесь уже указываются признаки государственности, отмеченные источниками: организация податной и служебной систем, следы княжьего домена и дружины. Подробно рассмотрено развитие Полоцка. Но как-то «режет глаз» фраза «переход земель, принадлежавших свободным общинникам, в управление государством». Напоминает фразу из советского школьного учебника, без учета всей проблемности существования государства в то время. Ведь княжеская администрация еще только формировалась, состояла из дружинников, хотя офицер и чиновник – это не одно и то же.

В этой же главе затрагивается и возникновение Литовского княжества. Но называть правление Миндовга временем становления государства (с. 208) требует, в силу уже сказанного выше, более развернутых аргументов. Представляется, что, опираясь на ранее приведенное сопоставление с генезисом французского королевства, государственность ВКЛ уместно начинать с Гедимины, основателя легитимной для литовской элиты династии. А время Миндовга вполне вписывается в период предгосударства – вождества.

Следующий параграф главы посвящен роли Киевской Руси в истории белорусской государственности. Поскольку вопреки советской историографической традиции Полоцк уже выведен за скобки древнерусского единства, прежде чем обращаться к истории Туровского княжества, следовало бы как-то прокомментировать авторскую концепцию. Да, Полоцкое княжество охарактеризовано достаточно полно как особая, независимая политическая структура. Но для читателя, находящегося за пределами нынешнего белорусского исторического дискурса, а к нему, как отмечалось, во многом обращена и данная книга, и вся пятитомная серия, здесь требуется определенная «вводная», хотя бы в одном развернутом абзаце. Соответственно, и в заключение главы 3 хотелось бы увидеть мнение о причинах сложения суверенного княжения именно на Полотчине. Это, полагаю, существенно для объяснения основ становления нашей государственности, особенно для читателей вне Беларуси.

Глава 4 посвящена истории ВКЛ. Подробно рассмотрены этапы формирования этого уже без оговорок государства. Хотя фраза о «древних белорусах» в начале главы (с. 232) не выглядит корректной. И еще одно замечание. В издании рассматриваются только белорусские земли – в отрыве от процессов в собственно Литве как государствообразующем социуме. Понятно, что авторы стараются обойти определенные политические проблемы современности. Но история – не политика, опрокинутая в прошлое. Понять нашу историю без сопоставлений с соседями – сложно. Ведь именно сравнивая, мы начинаем понимать...

В остальном глава обстоятельно освещает данный период нашей государственности (середина XIII – середина XVI вв.). Подробно рассмотрена историческая география эпохи – формирование центров и периферии, роль балтов в сложении белорусского этноса. Вполне обоснован вывод о том, что именно ВКЛ, а не Москва в ту эпоху объединило Русь (восточных славян).

Рассматривая процессы формирования ВКЛ, автор главы В. Ф. Голубев, опираясь на Р. Петраускаса, подчеркивает, что у Гедиминовичей не было континуитета с прежним (до них) устройством власти (с. 246), то есть признается начало литовской государственности именно с этой династии, что противоречит указанному в главе 3 (с. 208), но является более убедительным, о чем писалось выше.

Дальнейший текст данной главы, а также глава 5 посвящены подробному описанию развития исторических процессов на наших землях в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, то есть временам уже сложившейся государственности. Этот текст демонстрирует анализ многогранных процессов в белорусском социуме XIV–XVIII вв.

Автор же данных заметок сконцентрировал свое внимание на том, что ему ближе в рамках сравнительного изучения средневековых цивилизаций, в частности – на становлении государственности в Европе. Именно к этой части рассматриваемого издания и появились изложенные выше суждения и замечания. Естественно, они никоим образом не умаляют значение книги и для специалистов, и для широкого круга интересующихся историей читателей. Следует отметить качественную полиграфию издания, наличие удобных, хорошо читаемых карт. Но хотелось бы, чтобы историки обратили более пристальное внимание на общетеоретические и общеевропейские проблемы, тесно связанные с актуальными процессами начальной истории нашей страны. Их проработка в изложенном контексте сделает предложенную концепцию более убедительной.

Яков Григорьевич Рьер, Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, г. Могилёв, Беларусь.

Yakov Ryier

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, The Republic of Belarus

e-mail: rier47@tut.by

ABOUT THE BELARUSIAN STATEHOOD. SOME REMARKS ON THE MARGINS OF THE NEW BOOK

The first conceptual chapters of the first volume of the monograph «History of the Belarusian statehood» (Minsk, 2018) are analyzed. With an overall positive assessment of the work the main attention is paid to the theoretical drawbacks of the volume: the lack of analysis of the essence of the state concept and the problems of its formation which led to the unclear definition of time and the nature of state formation processes on the territory of Belarus. Particular attention is drawn to the incorrect use of the term «civilization» in the volume.

Keywords: state, statehood, chiefdoms, civilizations, Slavs, Balts.